

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Дирижер Большого театра

Мой давний друг, теперь уже известный дирижер, сказал мне: «Трудно себе представить Большой театр без Мелик-Пашаева. С юности мы знали, что в Большом театре — Мелик-Пашаев».

Летят в памяти воспоминания — листки календаря. 1931 год. Юный дирижер через час после того, как встал за пульт оркестра Большого театра, получил благословение от самого В. И. Сук. Вскоре — новая постановка «Отелло», и А. Мелик-Пашаев — признанный мастер. Никто не говорит о 27-летнем дирижере: «молодой», «общающийся», «ему надо помочь», «его надо поддержать».

Вскоре впервые в Большой театр был назначен художественный руководитель и главный дирижер — С. А. Самосуд. Одна из его забот — дать А. Мелик-Пашаеву наиболее интересные работы, проявить его творческие возможности. Появляются «Черевички», «Вильгельм Тель». (Помните ли вы эти прекрасные работы?)

Назначается главным дирижером А. М. Пазовский. Маститый maestro с уважением и даже долей почти-тельности относится к деликатному Мелик-Пашаеву. «Евгений Онегин» (1943 год — первая моя встреча в новой постановке с Александром Шамильевичем), «Кармен». На мой заискивающий вопрос, почему Арий Моисеевич сам не продирижирует «Кармен», главный и авторитетнейший дирижер ответил, хитро по-смотрев на меня: «Когда в театре Мелик-Пашаев, другим за «Кармен» лучше не братья».

Снова смена главного дирижера. Пришел Н. С. Голованов, столь резко отличавшийся от Мелик-Пашаева и характером творчества, и манерой работать, но чувствовавший равность младшего коллеги и очень ценявший его мастерство. Не раз я слышал от него: «Посоветуйтесь с Меликом», «не обижайте Мелика», «спросите Мелика...» И Голованов сам советовался, не обижал, просил. В Филиале плохо шел «Демон». Что делать? Голованов «спросит Мелика» встать за пульт и дирижировать этим серо-проходным спектаклем. Вечером произошло «чудо»: «Демон» стал спектаклем-праздником. Я присутствовал при том, как на другой день Н. Голованов, держа за две руки Мелик-Пашаева, благодарил его, а счастливый «Мелик» отвечал (кому это не приятно!): «Что вы, Николай Семенович, я получил огромное удовольствие!».

Он мог быть нерешительным во всех вопросах, кроме дирижирования. Он не гнался за помпезностью и импозантностью спектакля, которым дирижировал, не отказывался от любого спектакля, зная, что это улучшит его. Конечно, страдал, когда на сцене было плохо, не соответствовало тому, что слышалось. Он был болезненно чистоплотен к художественному качеству спектакля. Не хотелось его огорчать, и поэтому, может быть, мы с В. Ф. Рындиным решили и в один месяц заново поставили «Травнату», которой он «не стеснялся» дирижировать. Да и чего было стесняться, если это был сплав вдохновения, мастерства и вкуса! А «Чю-Чю-Сан»?

Он дирижировал всем, что надо было для театра, и вместе с тем всегда трезво и глубоко самокритично относился к своим возможностям. Предпочитал отдать спектакль другому дирижеру, если был уверен, что он его сделает лучше.

С первых шагов в Большом театре он привык к уважению, деликатному обращению и этим же старался платить театру. Недоброжелательство, невежество, бестактность были для него убийственны. Он терялся, не знал, что делать, становился беззащитным.

Большая требовательность к себе, неумение провести «рядовой», «будничной» спектакль делали его подвижником, рабом своей профессии. Он избегал в последнее время дирижировать двумя спектаклями подряд, но накануне спектакля не позволял себе идти в гости к друзьям или незадолго до спектакля прове-

сти интересный концерт. Спектакль в Большом театре — в первую очередь!

Эта его особенность и предельная придиричность к себе были феноменальными и часто давали пищу для дружеских подтруниваний. Совсем недавно, после блестяще проведенного спектакля «Аида», поздно вечером дома можно было застать его... за партитурой «Аиды».

Александр Шамильевич много лет готовился к своей заветной мечте — опере Моцарта «Дон-Жуан».

Целый год каждый день он сидел над партитурой оперы Бриттена «Питер Граймс».

Весь отпуск, без всякой личной заинтересованности, бескорыстно он посвятил редактированию и инструментовке «Судьбы человека», думая о том, чтобы помочь рождению еще одного советского оперного спектакля, вспоминая примеры великих людей, бескорыстную помощь Рим-

ского-Корсакова и Глазунова Мусоргскому и Бородину. К сожалению, постановку «Дон-Жуана» и «Питера Граймса» осуществить ему так и не удалось.

Александр Шамильевич Мелик-Пашаев прожил счастливую жизнь, и это счастье всегда было связано с Большим театром. Его последним, предсмертным желанием было — снова встать за дирижерский пульт!

Ушел художник... Долго будем вспоминать его «Аиду», «Фальстафа», «Войну и мир», «Отелло», «Фиделио»...

Он принадлежал театру свыше тридцати лет, в Большом театре раскрылся его талант, Большому театру обязаны мы и он.

А. Мелик-Пашаев и Большой театр — неотделимы, и в этом самый торжественный результат его жизни!

Б. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист СССР.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ИСКУССТВУ

Смерть Александра Шамильевича Мелик-Пашаева — колоссальная утрата для нашего театра, для музыкального искусства. Еще многие полностью не осознают все значение его смерти.

Мелик-Пашаев оставил неизгладимый след в творческой биографии Большого театра Союза ССР, его деятельность — принципиальная и вдохновенная, овеянная подлинно ярким талантом и блестящим мастерством, — определила уровень исполнительства нашего театра. Творчество А. Мелик-Пашаева можно назвать эталоном академического оперного искусства.

Он обладал всеми качествами, необходимыми для дирижера вообще и оперного в частности. И качества эти были самые высокие: яркий талант, высокая общая и музыкальная культура, глубокое знание музыкального искусства, умение вскрыть идейную, философскую глубину произведений, тонкое чувство стиля, исключительно бережливое отношение к авторскому тексту, огромная требовательность прежде всего к себе, к солистам, к оркестру, артистам хора.

Александр Шамильевич уважал и ценил в людях талант, умение трудиться. Он всегда поддерживал все талантливое, яркое, интеллектное, ремесленничество, занайство, отсутствие внутреннего самоконтроля.

Я счастлива, что мне довелось участвовать в спектаклях, руководимых Александром Шамильевичем. Мне памятен все спектакли и, особенно последний —

«Кармен», шедший на сцене КДС 19 мая.

Партии Кармен и Амнерис я пела много, но после каждого спектакля А. Мелик-Пашаев всегда находил то, над чем еще надо было работать, что еще улучшить, а что и отбросить.

Я счастлива, что моим творческим вечером дирижировал Александр Шамильевич, горжусь, что работала вместе с этим исключительным человеком и музыкантом.

А как он дирижировал «Реквием» Д. Верди! И страшно, и хочется жить.

И лучшим памятником этому выдающемуся деятелю советского музыкального искусства, этому прекрасному, высокоинтеллектуальному и интеллигентному человеку будет наше честное, принципиальное отношение к искусству, подлинная преданность интересам Большого театра, требовательность к себе и товарищам, доброжелательность и уважение друг к другу и к тем, кто смотрит и слушает наши спектакли.

Святая обязанность труппы Большого театра поддерживать в искусстве все прогрессивное, лучшее, талантливое, служить искусству и театру так, как это делал Александр Шамильевич, отдавший ему самое дорогое — свою жизнь.

Горько и больно сознавать, что его нет среди нас.

И. АРХИПОВА,
народная артистка РСФСР.

Художник и человек — едины

История Большого театра за последние 15 лет крепко связана с творчеством А. Мелик-Пашаева и Б. Покровского. И моя личная творческая жизнь в музыкальном театре тоже связана с этими дорогими моему сердцу людьми. И вот одного из них не стало.

Свой первый музыкальный спектакль «Абесалом и Этери» я делал в Большом театре в 1938 году под руководством Александра Шамильевича.

У меня за спиной уже большой жизненный путь. И когда я вспоминаю крупных художников, то их имена связаны для меня и с высокими личными, человеческими качествами.

Как художник и человек я формировался в общении и под влиянием А. Таирова, С. Михоэлса, Л. Леонидова, В. Дмитриева, А. Мелик-Пашаева, и все эти мои старшие товарищи, которых уже нет, но которых я никогда не забуду, были не только учителями в искусстве, но и во многом определили мое отношение к искусству, к жизни, к людям.

Все они, художники с большой буквы, были и настоящими людь-

ми, каждый из них — это Человек в самом широком и гуманном смысле. Таким был и Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Даже при самых трудных обстоятельствах он никогда не изменял своим идеалам, был до конца честным, справедливым, добрым. Все это неотделимые черты большого художника. Без них художник недолговечен.

Александр Шамильевич никогда не кривил душой, всегда говорил людям правду, но умел это делать в доброжелательной, но обидной для людей форме. Я не помню случая, чтобы он кого-нибудь когда-нибудь оскорбил. Мягкость и доброжелательность не мешали его принципиальности.

И вот его не стало. Но весь жизненный и творческий путь Александра Шамильевича Мелик-Пашаева учит нас быть честными без предвзятости, принципиальными без грубости, учить нас любить искусство и людей искусства.

В. РЫДИН,
народный художник СССР.

Крупнейший мастер оперного театра

Ушел из жизни крупнейший советский дирижер, человек большой души — Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Творческое общение с ним, совместная работа приносила всегда огромную радость. Александр Шамильевич знал каждого артиста нашего большого хорового коллектива, всегда первый здоровался — будь то в театре или вне его.

За пультом, во время спектакля, это был человек исключительно доброжелательный. Казалось, весь он с теми, кто на сцене, — и это помогало нам.

Наша творческая дружба началась в 1946—1947 гг., когда я был ответственным хормейстером Филиала, и продолжалась до его последних дней. Мы вместе работали над «Франческой да Римини», «Фиделио», «Банк баном», «Войной и миром», «Фальстафом» и другими спектаклями. Это был дирижер требовательный и бескомпромиссный в вопросах искусства. Порой после спектакля я подходил и говорил: «Ну, сегодня спектакль прошел здорово!» и в ответ слышал: «Здорово, но надо обратить внимание на...»

Однако после замечаний, сделанных Александром Шамильевичем, не опускались руки, наоборот, становилось неудобно, что что-то упустили, проглядели, на что-то не обра-

тили внимания. Его бескомпромиссность помогала работе, заставляла подтянуться.

Участвовать в новой постановке вместе с Александром Шамильевичем было очень увлекательно. Несмотря на то, что у него всегда существовала собственная точка зрения на каждое произведение, он умел слушать людей и прислушиваться к их мнению, если оно было доказательным. Так было с «Франческой», так было с «Войной и миром».

И вот Александра Шамильевича не стало. Невосполнимую утрату понес коллектив Большого театра.

Лучшая память о нем — высокая требовательность, чувство ответственности, изгнание из театра тех «серых будней», к которым был непримирим в своем искусстве Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

А. РЫБНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

Пример в жизни и искусстве

Много раз будет звучать в стенах нашего Большого театра музыка Верди, Чайковского, Мусоргского, много раз будет раздвигаться тяжелый парчовый занавес. Но никогда уже не станет за пульт выдающийся советский дирижер и очень любимый и уважаемый нами человек — Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Трудно, невозможно представить себе Большой театр без А. Мелик-Пашаева. Осиротели спектакли, которые он вел с таким вдохновением, заражая и тех, кто был на сцене, и тех, кто находился в зрительном зале.

Александр Шамильевич так рано ушел из жизни. Он еще так много мог сделать для нашего театра, для нашего искусства. Тяжелая, невозвратимая утрата.

Требовательность и принципиальность, чуткость и внимание к людям, большая человечность А. Мелик-Пашаева будут для нас постоянным примером в жизни и в искусстве.

Память об Александре Шамильевиче, любовь и уважение к выдающемуся музыканту никогда не уйдут из наших сердец.

КОЛЛЕКТИВ БАЛЕТА.

На снимке (слева направо): Б. Хайкин, В. Небольсин, С. Самосуд, К. Кондрашин, А. Мелик-Пашаев, А. Гаук, К. Иванов в артистической комнате Большого зала Московской консерватории в антракте во время концерта, посвященного 25-летию Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио, 16 января 1956 года.

Навсегда ушел от нас дорогой Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. Разум и сердце не могут поверить, больше никогда не увидим среди нас, не увидим с ним пульта. Смерть выдающегося музыканта и человека — это утрата: почти творческий путь я прошел, в тесном творческом общении.

В 1931 году вместе с А. Мелик-Пашаевым вступили в Большой театр, вместе работали в Театре балета в Тбилиси.

Очень хорошо помню встречу с Александром Мелик-Пашаевым. Я уже работал в Театре балета в Тбилиси, когда однажды, явился в театр, что из Ленинградского оперного театра, молодой дирижер окончил консерваторию, — Шура Мелик-Пашаев, к которому перейду оперы от дирижеров И. Мелик-Пашаева и А. В. Павлова. Первой оперой, которую дирижировать Александр Мелик-Пашаев был «Князь Игорь».

Вскоре я увидел юного Мелик-Пашаева, познакомился с ним, познакомился как Владимира Игоря, очень мило улыбнулся, руку, и как-то, может быть, ко недоверчиво посмотрел — уж очень я тогда молод. Как мне показалось, значение его взгляда и речи подумал: «Я-то, к лод, но ты, кажется, е меня, а собираешься ди таким ответственным, бо таклем».

Тут же из разговора ших нас певцов и режиссера, что юный дирижер зуется в театре большим и любовью, что в те новичок и чувствует себя Я узнал, что Александр

ВЕЧН

Трудно представить музыкальное искусство трагическую нелепую смерть Александра Шамильевича Мелик-Пашаева. И не тому, что его возраст стачен для ухода из не только потому, что стро и неожиданно смерть нелепа еще и с именем этого человека сама жизнь нашего трудно представить дирижера Большого театра как опер без А. Мелик-Пашаева, ибо он всегда был их.

Мне довелось, пожелав всем, ныне работающим театре, иметь общение с этим выдающимся талантом, с этим Тосканини. И я счастлива, что это общение, которое всегда столько радости, понятной тем, кто жизнью предан искусству.

Судьба свела нас с Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым в 1931 году, когда мы одновременно вступили в Ленинградскую консерваторию. Помню, еще в учебном пульте, он обращал на себя внимание студентов, но и всех профессоров, искусствоведов и знавших много профессоров с мировым именем случайно глубоко одаренный молодой талант за два года окончил консерваторию, а двадцать лет уже встал за пульт театра и дирижировал наряду с Суком и Головановым.

Помню рассказы о музыкальном таланте Большого театра, о том, как в своем спектакле Александр Шамильевич, отложивший партитуру «Аиды» и проведший спектакль своим подъемом. Разве демонстрация оромной сти зрелого таланта! Первая наша творчес-

СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА АЛЕКСАНДРА ШАМИЛЬЕВИЧА МЕЛИК-ПАШАЕВА

ИСКУССТВО И ЧЕЛОВЕК — ЕДИНЫ

Театра за по-настоящему связана с Мелик-Пашаевым и моя личная жизнь в музыкально-театральной среде. Музыкальный человек — это Человек в самом широком смысле. Таким был и Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Даже при самых трудных обстоятельствах он никогда не изменял своим идеалам, был до конца честным, справедливым, добрым. Все это неотделимые черты большого художника. Без них художник недолговечен.

Александр Шамильевич никогда не кривил душой, всегда говорил людям правду, но умел это делать в доброжелательной, не обидной для людей форме. Я не помню случая, чтобы он кого-нибудь когда-нибудь оскорбил. Мягкость и доброжелательность не мешали его принципиальности.

И вот его не стало. Но весь жизненный и творческий путь Александра Шамильевича Мелик-Пашаева учит нас быть честными без предвзятости, принципиальными без грубости, учит нас любить искусство и людей искусства.

В. РЫДИН,
народный художник СССР.

НАИЛУЧШИЙ МАСТЕР ОПЕРОГО ТЕАТРА

Наилучший советский оперный артист Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Участков в новой постановке вместе с Александром Шамильевичем было очень увлекательно. Несмотря на то, что у него всегда существовала собственная точка зрения на каждое произведение, он умел слушать людей и прислушиваться к их мнению, если оно было доказательным. Так было с «Франческой», так было с «Войной и миром».

И вот Александра Шамильевича не стало. Невосполнимую утрату понес коллектив Большого театра.

Лучшая память о нем — высокая требовательность, чувство ответственности, изгнание из театра тех «серых будней», к которым был не привыкли в своем искусстве Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

А. РЫБНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

ПРИМЕР В ЖИЗНИ И ИСКУССТВЕ

Много раз будет звучать в стенах нашего Большого театра музыка Верди, Чайковского, Мусоргского, много раз будет раздвигаться тяжелый парчовый занавес. Но никогда уже не станет за пультом выдающийся советский дирижер и очень любимый и уважаемый нами человек — Александр Шамильевич Мелик-Пашаев.

Трудно, невозможно представить себе Большой театр без А. Мелик-Пашаева. Осиротели спектакли, которые он вел с таким вдохновением, заражая и тех, кто был на сцене, и тех, кто находился в зрительном зале.

Александр Шамильевич так рано ушел из жизни. Он еще так много мог сделать для нашего театра, для нашего искусства. Тяжелая, невозвратимая утрата.

Требовательность и принципиальность, чуткость и внимание к людям, большая человечность А. Мелик-Пашаева будут для нас постоянным примером в жизни и в искусстве.

Память об Александре Шамильевиче, любовь и уважение к выдающемуся музыканту никогда не уйдут из наших сердец.

КОЛЛЕКТИВ БАЛЕТА.

Навсегда ушел от нас дорогой Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. Разум и сердце не могут смириться, не могут поверить, что мы больше никогда не увидим его среди нас, не увидим за дирижерским пультом. Смерть отняла у нас выдающегося музыканта, необыкновенного человека. Мне особенно тяжело эта утрата: почти весь свой творческий путь я прошел рядом с ним, в тесном творческом и дружеском общении.

В 1931 году вместе с ним мы поступили в Большой театр, а до этого вместе работали в Театре оперы и балета в Тбилиси.

Очень хорошо помню мою первую встречу с Александром Шамильевичем. Я уже работал в Тбилиси, когда однажды, являясь в театр, услышал, что из Ленинграда приехал молодой дирижер, окончивший консерваторию, — Шура Мелик-Пашаев, к которому перейдут некоторые оперы от дирижеров И. П. Палиашвили и А. В. Павлова-Арбенина. Первой оперой, которую взял дирижировать Александр Шамильевич, был «Князь Игорь».

Вскоре я увидел юного дирижера, меня с ним познакомили, представив как Владимира Игоревича. Он очень мило улыбнулся, пожав мою руку, и как-то, может быть, немножко недоверчиво посмотрел на меня — уж очень я тогда молодо выглядел. Как мне показалось, я понял значение его взгляда и в свою очередь подумал: «Я-то, конечно, молод, но ты, кажется, еще моложе меня, а собираешься дирижировать таким ответственным, большим спектаклем».

Тут же из разговоров окружающих нас певцов и режиссеров я узнал, что юный дирижер уже пользуется в театре большим уважением и любовью, что в театре он не новичок и чувствует себя, как дома. Я узнал, что Александр Шамильевич

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Трудно представить в нашем музыкальном искусстве большую трагическую нелепость, чем смерть Александра Шамильевича Мелик-Пашаева. И не только потому, что его возраст еще недостаточен для ухода из жизни, и не только потому, что он так быстро и неожиданно состарился. Его смерть нелепа еще и потому, что с именем этого человека связана сама жизнь нашего искусства: трудно представить дирижерский пульт Большого театра в десятках опер без А. Мелик-Пашаева, ибо он всегда был их душой.

Мне довелось, пожалуй, дольше всех, ныне работающих в Большом театре, иметь творческое общение с этим выдающимся, ярким талантом, с этим советским Тосканини. И я счастлив, что было это общение, которое приносило всегда столько неоценимой радости, понятной тем, кто всей жизнью предан искусству.

Судьба свела нас с Александром Шамильевичем еще в 1928 году, когда мы одновременно поступили в Ленинградскую консерваторию. Помню, еще там, за учебным пультом, он уже обращал на себя внимание не только студентов, но и всех маститых профессоров, искусственных в музыке и знавших многих дирижеров с мировым именем. И не случайно глубоко одаренный и эрудированный молодой музыкант за два года окончил консерваторию, а двадцати шести лет уже встал за пульт Большого театра и дирижировал операми наряду с Сук и Головановым!

Помню рассказы очевидцев — музыкантов Большого театра, которых поразили на своем дебютном спектакле Александр Шамильевич, отложивший с пульта партитуру «Аиды» и наизусть прошедший спектакль с огромным подъемом. Разве это не демонстрация опромненной уверенности зрелого таланта!

Первая наша творческая встре-

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

Много раз и с большим успехом дирижировал в этом театре, приезжая из Ленинграда на каникулы, а иногда и на отдельные спектакли, и что Тбилиси — его родина.

Александр Шамильевич тут же спросил меня: может быть, хотите сейчас попеть со мной свою партию? Я ответил утвердительно. Он взял меня под руку, и мы пошли в класс. По дороге я заметил, что мы забыли пригласить с собой концертмейстера, на это он ответил, что играть будет сам. Тогда я сказал: так возьмите хотя бы клавира. А он мне в ответ: и клавира не надо.

Сейчас не могу не признаться, что тогда я подумал, что имею дело с очень милым, но легкомысленным молодым человеком. О, как я ошибся тогда в моем втором определении. Окончательно заинтригованный и удивленный, я вошел с ним в класс.

Партию Владимира Игоревича я знал хорошо, так как много раз пел спектакль в предыдущем сезоне. Александр Шамильевич сел за рояль без клавира, а я насторожился и жду, когда он начнет играть. Вот он взял несколько аккордов, как бы проверяя инструмент, и начал играть с момента заката солнца в прологе. У меня с первых же сыгранных им тактов исчезло сомнение и недоверие. Играл он превосходно, петь с ним было как-то необыкновенно удобно, и я обратил внимание, что рояль у него звучит как-то особенно, по-оркестровому. Мы занимались долго. Отдельные фразы повторяли по несколько раз, и так оба увлеклись, что не заметили, как сравнительно небольшой партии занимаемся около двух часов.

Этого первого урока с Александром Шамильевичем я никогда не за-

буду. Своим увлечением, обаянием, вдохновением и глубоким пониманием музыки он влил в меня что-то новое, после этого урока я почувствовал себя как бы выросшим на одну ступеньку. А когда на спектаклях, и позднее, на спектаклях, все это вновь повторялось, я получал каждый раз большую творческую радость.

Сезон быстро пролетел, и вот мы с Александром Шамильевичем снова вместе, но уже в Большом театре. Хотя он блестяще дебютировал «Аидой», но в первые годы своей творческой деятельности в Большом театре много дирижировал операми лирического плана, на радость нам — лирическим певцам. Тут я встретился с ним в «Князе Игоре», «Фаусте», «Севильском цирюльнике», а позднее в «Евгении Онегине», «Травиате», «Ромео и Джульетте», «Никите Вершинине» и других операх.

Очень дорого и радостно бывает нам, вокалистам, когда оперный дирижер крупного масштаба понимает, чувствует и любит певца. Александр Шамильевич любил нас и дирижировал всегда с таким увлечением, вдохновением и темпераментом, будучи вместе с нами...

Незадолго до кончины Александра Шамильевича мы с Г. Вишневецкой готовились к «Травиате».

Виолетта — новая большая работа нашей талантливой певицы, и Александр Шамильевич был опять вместе с нами. Мы провели с ним всю подготовительную работу, вплоть до оркестровой репетиции. Перед самым спектаклем он заболел, и мы уже не увидели в живых любимого друга и наставника.

Тяжела наша утрата. Велико наше горе...

С. ЛЕМЕШЕВ,
народный артист СССР.

ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК

Первые я встретился с Александром Шамильевичем в 1956 году в Тбилиси, куда он приезжал на гастроли. Тогда он буквально потряс меня тем, как вдохновенно и тонко он дирижировал «Кармен».

Потом в Москве в Большом театре я пел под его управлением многие партии в операх русских и западноевропейских композиторов. Александр Шамильевич был музыкантом чрезвычайно требовательным, и спевки и уроки с ним для меня, как и для многих других, были, пожалуй, более ответственными, чем спектакли.

Он требовал на уроках от певца исполнения предельно чистого интонационно, четкой и ясной фразы, осмысленного, а не просто красивого пения, но требовал в первую очередь пения, а не декламации.

Если бывал длительный перерыв в спектаклях, он назначал уроки, а спевки бывали перед каждым спектаклем.

Работая над партией с артистом, Александр Шамильевич никогда не навязывал своего толкования, а умно и тонко помогал певцу самому найти собственное отношение, подсказывая, как преодолеть те или иные технические трудности, на что сделать акцент смысловой, музыкальной.

Александр Шамильевич обладал феноменальной памятью. Он очень хорошо знал сильные и слабые сто-

ПЕВЦОВ

роны певца, помнил ошибки, даже если они были годичной давности, и всегда помогал певцу как можно полнее выявить свои творческие возможности.

На спектаклях у артистов был с ним всегда полный контакт, он знал состояние каждого и умно и тонко координировал оркестр и сцену. Я лично всегда чувствовал себя спокойно и уверенно, когда за пультом стоял Мелик-Пашаев.

Александр Шамильевич был настоящим большим художником, и спектакли с его участием были подлинным праздником.

Работа с ним была настоящей большой школой академического оперного искусства для певцов всех возрастов и всех положений.

Благожелательный, тактичный, внимательный, истинный интеллигент и высококультурный человек, Александр Шамильевич был очень любим и уважаем в театре. Его замечательная жизнь в искусстве — честная, принципиальная и благородная — самый высокий пример для всех нас.

Вечная и светлая память Вам, истинно и глубокоуважаемый дирижер, руководитель, друг, помощник и человек.

З. АНДЖАПАРИДЗЕ,
народный артист Груз. ССР.

ЛУЧШИЙ ПАМЯТНИК

Тяжело терять человека, жизнь которого на протяжении десятилетий была связана совместным творческим трудом с большим коллективом нашего театра.

Из жизни ушел замечательный музыкант, выдающийся дирижер, дарование и талант которого всегда были неисчерпаемым источником радостного творчества для каждого из нас.

Какими редчайшими качествами должен обладать человек, по роду своей работы постоянно находящийся под критическим «обстрелом» сотен глаз. Глаз ищущих и всегда находивших в нем ту неиссякаемую искру творческого горения, которая подхватывала и увлекала за собой весь коллектив. Такими качествами обладал Александр Шамильевич.

Каждый спектакль, которым он дирижировал, был праздником в театре, и не только для публики, но и для его участников. Уже одно появление Александра Шамильевича в оркестре, его парадность, артистичность, приветливость передавались всем, вызывая такую настройку, подтянутость, творческий подъем, при которых не оставалось места для безыденности и равнодушия. И достигалось это глубоким уважением к дирижеру, признанием его высокого авторитета.

Играть под управлением Александра Шамильевича было почетно и радостно, хотя и не легко, так как исполнять формально все то, что написано в нотах, было недостаточно, каждый должен был знать, что делается вокруг него. Оркестр у него никогда не звучал шумно, даже в самых звучных кульминациях; каждый знал свою роль и свое место в общем ансамбле. Такая дифференциация поднимала значимость не только ответственных оркестровых солов, но самых, казалось бы, незначительных деталей. Каждый артист оркестра чувствовал себя солистом, зная, что его исполнение является важной частью общего звучания.

Иногда во время спектакля Александр Шамильевич переставал дирижировать, и это были моменты огромного накала, когда дирижер как бы передавал свои функции каждому артисту оркестра. Мы ждали и ценили эти минуты доверия.

Александр Шамильевич становился за пульт предельно собранным, с детально продуманным планом работы. Репетировал он на высоком эмоциональном тоне, настойчиво и скрупулезно добивался от каждого артиста и музыканта творческого

воплощения своих намерений. Его метод работы был понятен и доступен для массы участников оперного спектакля. Его творческие требования были постоянны и неизменяемы, сделанные им спектакли — крепки и монолитны и под его управлением казались вечно новыми.

Как крупнейший мастер оперного театра, А. Мелик-Пашаев находил необходимый баланс между сценой и оркестром. Его звуковая палитра была чрезвычайно разнообразна. Он поднимал звучание до грандиозных кульминаций и умел достигать на пианиссимо такого драматизма, при котором от напряжения все в зале замирали. Не забыть, как звучали под его управлением реминисценции вальсов в «Фаусте» и «Войне и мире».

В работе и в жизни Александр Шамильевич был интеллигентным и скромным человеком. В разговоре он никогда не показывал своего превосходства, умел слушать людей и считался с мнением рядовых музыкантов. Но Александр Шамильевич не терпел равнодушия, безответственности и неравной отношения к делу. И сам всегда был примером отношения к творчеству, примером преданности и любви к театру.

Его авторитет дирижера был непререкаем, независимо от того, был ли он сам главным или рядовым дирижером. Он увлекал за собой, вызывая желание выполнять его творческие намерения. Будучи музыкальной душой спектаклей, Александр Шамильевич в то же время не ущемлял творческой индивидуальности артистов: он, то активно диктуя, вел спектакль, то временно прислушивался к солисту, предоставляя ему инициативу и необходимую свободу.

Творческая жизнь Александра Шамильевича была тесно связана с такими корифеями Большого театра и оперного искусства, как Сук, Голованов, Павловский, Самосуд. Он был лучшим преемником их художественных воззрений и принципов. Он не только продолжал эти традиции, но и развил и углубил их.

Преждевременная и неожиданная смерть Александра Шамильевича — тяжелая для нас утрата. Мы, творческие работники, должны делать все то, что создал Мелик-Пашаев, свято хранить его творческие принципы, и это будет ему лучшим памятником.

Т. ДОКШИЦЕР,
заслуженный артист РСФСР.

в. А. Гаук,
время кон-
1956 года.

201